

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 327.51

DOI 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720

EDN JWNXSD

Оригинальное исследование

Структуризация российско-украинского вооруженного конфликта в актуальной и потенциальной фазах динамики противостояния

Лобанов К.Н.¹ , Половнева Л.С.² ¹⁾ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71;²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85Email: lobanov.politika@gmail.com, Lpolovneva@bsuedu.ru

Аннотация. Российско-украинская конфронтация в форме вооруженного конфликта отличается повышенной динамикой, позволяющей говорить о перманентном возникновении качественно новых ситуаций на внешнем и особенно внутреннем контурах противостояния. В частности, речь идет об изменениях в конфигурации базовых структурных юнитов конфликта и трансформации некоторых существенных характеристик самого феномена, переживающего актуальную фазу и непременно переходящего в одну из потенциальных стадий дальнейшего развития. Обновление исходных параметральных данных о российско-украинской конфронтации повышает потребность в структуризации этого конфликта с учетом его системной динамики. Авторы придерживаются мнения о том, что попытка осуществления в статье такой методологической процедуры позволит проанализировать конфликт с учетом изменений, расширит возможности более точного прогнозирования его развития и в итоге будет способствовать поиску и нахождению путей конструктивного разрешения конфликтных противоречий. Следование авторов в русле структурного анализа облегчает им процесс исследования сложных, многокомпонентных объектов и систем, к числу которых относится социальный конфликт.

Ключевые слова: социальный конфликт, российско-украинская конфронтация, вооруженный конфликт, структура конфликта, структуризация конфликта, фазы развития вооруженного конфликта, эскалация конфликта, разрешение вооруженного конфликта

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобанов К.Н., Половнева Л.С. 2026. Структуризация российско-украинского вооруженного конфликта в актуальной и потенциальной фазах динамики противостояния. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 705–720. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720. EDN: JWNXSD

Structuring Russian-Ukrainian Military Conflict in the Current and Potential Confrontation Dynamic Phases

Konstantin N. Lobanov ¹ , Lyudmila S. Polovneva ²

¹⁾ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

Email: lobanov.politika@gmail.com, Lpolovneva@bsuedu.ru

Abstract. Russian-Ukrainian confrontation, as it has taken the form of a military conflict, is characterized by increased dynamics, which allows us to speak about the permanent emergence of qualitatively new situations at the external and particularly at the internal circuit of confrontation. Specifically, this refers to changes in the configuration of basic structures of the conflict units, as well as to the transformation of several essential characteristics of this phenomenon, which is currently transitioning into the next potential phase of the conflict development. Constant updates to source data parameters of the Russian-Ukrainian confrontation amplify the necessity to structure such a conflict given its systemic dynamics. We believe that studying the conflict using a methodological procedure will enable us to analyze it taking into account its changes and expand the possibilities of more accurate forecasting of its development. Therefore, it will contribute to finding and identifying ways of the constructive resolution of the conflict's contradiction points. In our research, we rely on structural analysis, which facilitates the process of studying complex, multicomponent objects and systems, such as a social conflict.

Keywords: social conflict, Russian-Ukrainian confrontation, military conflict, conflict structure, conflict structuring, military conflict development phases, escalation of the conflict, military conflict resolution

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobanov K.N., Polovneva L.S. 2026. Structuring Russian-Ukrainian Military Conflict in the Current and Potential Confrontation Dynamic Phases. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 705–720 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-705-720. EDN: JWNXSD

Введение

Одной из отличительных особенностей социальной материи в современных условиях является повышенный динамизм протекания имманентных ей процессов и явлений. Казавшиеся еще несколько десятилетий назад длинными, тренды сегодня развиваются в ситуации спрессованности времени и ориентированы на форсирование результативности. В режиме стремительной подвижности осуществляются социализация, модернизация, социальная мобильность и демографические сдвиги. Проходит продвижение технологий, социальных коммуникаций, массовой гражданской активности. Реактивность изменений нередко сопровождается обновлением всего общего трендового дизайна, как в случае с глобализацией, уходящей сегодня на факультативные позиции, либо влечет за собой глубокую структурную перестройку мейнстримных процессов и явлений подобно тому, как появление искусственного интеллекта видов *General AI* и *Super AI* меняет классические представления о субъектах технологического прогресса. Социальные науки не в праве игнорировать происходящие перемены и пытаются реагировать на методологическом уровне, в том числе через структуризацию изучаемых объектов. О необходимости такого исследовательского действия при понимании сложных социальных систем, процессов и явлений в динамике их развития отмечалось еще на старте пятого технологического уклада [Giddens, 1973]. На операционном уровне методика структурирования в целом сводится к: а) детализации сложносоставных объектов; б) выявлению детерминирующих связей и отношений между выделенными элементами. Первое позволяет упростить изучение синтетических общественных процессов, явлений и феноменов за счет дефрагментации их на отдельные, более доступные для анализа структурные компоненты, второе

– выдерживать восприятие анализируемого объекта как некоей цельности, развивающейся в динамике. Акцентирующим и актуализирующим моментом здесь выступает условие возобновления структуризации исследуемого объекта при возникновении качественных изменений внутри самого объекта или в социальной среде в целом. Использование метода позволяет исследователям более свободно оперировать знаниями о социальной реальности, а субъектам управления – на основе полученных данных производить аудит приоритетов, своевременно осуществлять коррекцию собственных решений, вырабатывать наиболее оптимальные поведенческие стратегии [Ильясов, Герасимова, Карамзина, Сaitова, 2017, с. 25].

Структуризация как метод нередко используется для анализа не просто сложных, многокомпонентных социальных конструктов, но и отличающихся высокой степенью размытости и неопределенности. К числу таких можно отнести социальный конфликт, который выступает одновременно и явлением, и процессом, и часто характеризуется непредсказуемостью исхода [Светлов, Сидоров, 2019, с. 125]. Декомпозиция структуры конфликта и дальнейшее аналитическое препарирование элементов в динамике развития антагонизма могут быть продуктивными при подходе к вооруженным конфликтам современности. Регулярный мониторинг структурных изменений, позволяющий сфокусироваться на качественной стороне самого предмета, дает возможность более отчетливо представить сценарные планы дальнейшего развития конфликтных отношений и выстроить на основе такого анализа рациональные алгоритмы действия в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном форматах. На примере текущей российско-украинской конфронтации можно проследить, как под воздействием внутренней динамики конфликта трансформируются его структурные элементы и как эти изменения отражаются на свойствах самого явления в актуальной фазе его развития, а также могут обусловить воплощение тех или иных вариантов военной и политической финализации противостояния.

Цель исследования

Провести анализ базовых элементов структуры российско-украинского вооруженного конфликта в динамике от исходного состояния через актуальную к потенциальной фазе развития конфликтного взаимодействия.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является структура российско-украинского вооруженного конфликта. Предметом исследования выступают структурные изменения российско-украинского вооруженного конфликта, детерминированные текущей динамикой конфликтного взаимодействия в актуальной фазе и влияющие на потенциальную фазу противостояния. В процессе работы над публикацией авторами применен метод структуризации и прогнозирования состояния социальных систем, процессов и явлений.

Результаты и их обсуждение

С формальной стороны структурная организация социального конфликта предопределяет внутреннее строение вооруженного конфликта, поскольку в данном случае мы имеем дело с базовым явлением и процессом и одной из его разновидностей. Обобщенно структура конфликта может быть представлена в виде пяти элементов: сторон (участников) конфликта, объекта (предмета) конфликта, условий конфликта, действий участников конфликта, исхода (результата) конфликта [Гришина, 2008, с. 183]. Вместе с тем вооруженный конфликт, безусловно, обладает своей спецификой, которая проявляется главным образом в содержательной части структурных элементов, то есть в реальном процессе функционирования, протекающем в определенной форме. Исходя из сказанного, авторы имели намерение сфокусировать свои исследовательские усилия на детальном анализе субъектно-объектной стороны выделенного вооруженного конфликта, конкретных форм его

протекания, фиксации возможных сценариев завершения. В этом отношении с их стороны не было бы большой погрешностью допустить модификацию классической структуры социального конфликта, объединив условия конфликта и действия участников конфликта в интегрирующий элемент «содержание конфликта» применительно к вооруженному конфликту, поскольку в ситуации силового противоборства обстановка, в которой происходит конфликт, и операциональные аспекты в сущности представляют собой качественную определенность, суть и направленность динамики рассматриваемого явления и процесса.

Ключевым элементом структуры вооруженного конфликта, по крайней мере с точки зрения деятельностного подхода, являются его субъекты (участники), поскольку именно они витализируют все остальные элементы. В теории конфликта обычно различают непосредственные стороны конфликта (индивиды, малые и большие социальные общности, политические организации) и всех остальных интересантов с различным функционалом (пособники/союзники, подстрекатели/провокаторы, посредники/провайдеры «добрых услуг», арбитры/третейские судьи). В текущем российско-украинском вооруженном противостоянии, продолжающемся пятый год, субъектная часть конфликтных взаимоотношений представлена полной линейкой акторов, которые находятся в весьма подвижном состоянии, что в значительной степени влияет на сущностные характеристики всего конфликта. На старте событий зимой 2022 года в конфликтном поле обозначились два прямых и открытых субъекта – российское и украинское государства, остающиеся таковыми до сих пор, что позволяет квалифицировать антагонизм как межгосударственный вооруженный конфликт [Никанорова, 2024, с. 180]. Остальные участники не были позиционированы вообще либо слабо себя проявляли. По мере того как менялся стратегический контекст конфликта, иными словами, происходила его постепенная интернационализация, к процессу стали подключаться другие участники. На стороне Украины, например, в роли подстрекателей выступили США и Великобритания, блокировавшие предложения российского военно-политического руководства скоро завершить конфликт и подталкивавшие Киев к продолжению противостояния [Walker, 2025]. Россию, в свою очередь, поддержала Беларусь, предоставившая союзнице свою территорию для проведения специальной военной операции в сопредельной Украине. На раннем этапе конфликта также активизировались посредники в урегулировании, в числе которых в разное время отметились Беларусь, Турция, ОАЭ, Ватикан.

В контексте нашего исследования важно зафиксировать не столько увеличение числа участвующих в конфликте субъектов, сколько подчеркнуть определенное видоизменение их ролевых опций во временном разрезе. В 2023 и 2024 годах степень вовлеченности различных интересантов в конфликт стала более сложной, интегрирующей сразу несколько функциональных позиций в одном лице. Так, например, атлантисты (США, Великобритания, европейские члены НАТО), продолжая выступать в роли провокаторов, возложили на себя обязанности пособников одновременно. Последнее выразилось в прямых поставках номенклатуры военного назначения и в предоставлении регулярной финансовой помощи украинской стороне. Благодаря поддержке западных государств, Украина с 2022 г. превратилась в крупнейшего в мире импортера вооружений. Стокгольмский институт исследования проблем мира отмечает, что за период 2020–2024 гг. ее импорт основных видов вооружений вырос почти в 100 раз по сравнению с предыдущим пятилетием. В этот период Украина получила 8,8 % от общемирового объема импорта вооружений. Помощь оказывали 35 государств, основными донорами выступили США и страны Европейского союза, действующие как на двусторонней основе, так и через общие механизмы, такие как Европейский фонд мира [SIPRI, 2025]. В дальнейшем существенно изменилась качественная сторона военных поставок Украине. За четыре с небольшим года западные страны перешли от обеспечения ее войск военной амуницией и легким оружием к снабжению тяжелой техникой, авиацией и ракетами, а также открыли доступ к собственным разведданным, включая спутниковые. Что касается финансовых вливаний в бюджет Украины извне, то с февраля 2022 г. они достигли внушительных показателей. Институт мировой экономики в Киле

приводит следующие цифры: по состоянию на декабрь 2024 г. европейские страны предоставили помощь в размере € 132 млрд, а Соединенные Штаты – € 114 млрд [Antezza, Bompreszi, Dyussimbino et al., 2025, p. 72]. Учитывая, что в 2022–2024 гг. расходы на оборону на Украине составляли примерно \$ 52–54 млрд ежегодно, то выходит, что не менее 4/5 из них покрывались за счет внешнего финансирования. Другими словами, государства западного блока взяли содержание украинского ВПК на свой баланс. В последующие полтора года статусы участников конфликта продолжили модифицироваться под воздействием динамики конфликта и во многом предопределяя ее вектор в сторону дальнейшей эскалации. В практическом плане это выглядело следующим образом: значительная часть украинского военного производства была вынесена на территорию стран НАТО для защиты от ударов российских вооруженных сил, члены блока предоставили собственное воздушное пространство для полета украинских беспилотных систем на территорию России, ВВС Украины были размещены на местных аэродромах и базах с целью последующих атак на российские цели [Kofman, 2026]. С учетом резкого увеличения объемов и темпов развития военного потенциала у государств европейского сегмента Атлантического альянса в связи с российско-украинским конфликтом, значительная часть которого идет на прямое довооружение и перевооружение как самих стран-доноров, так и стороны-бенефициара [Henke, Martinova, Knobloch, 2026], евроатлантисты сегодня выступают в роли даже не союзника одного из главных антагонистов, а становятся непосредственным участником конфликта на стороне этого антагониста [Лавров, 2026].

В свою очередь, на другом полюсе противоборства наблюдались определенные количественные и качественные изменения в организации субъектной части конфликта. К сопричастности событиям в опосредованной форме подключился Иран, на правах пособника поставлявший России беспилотные технологии и ракетное вооружение. Функционал иных субъектов становился более многоплановым и вовлеченным в события. Так, в начале конфликта Северная Корея, подобно Ирану, осуществляла снабжение российских войск рядом боеприпасов, но после подписания соответствующего соглашения предоставила в распоряжение российских вооруженных сил свой ограниченный воинский контингент, непосредственно участвовавший в боевых действиях в 2025 г. Подобные шаги автоматически переводят КНДР в положение военного союзника России в противоборстве с Украиной и другими участниками на ее фланге.

Отдельной ремарки заслуживает позиция таких игроков, как США и Китай. Эти оба геополитических супергиганта объективно не могли остаться в стороне от крупнейшего после окончания Второй мировой войны европейского вооруженного конфликта. Статусная траектория каждого из названных субъектов отличалась определенной степенью динамизма или статичности в зависимости от собственного целеполагания. Например, Соединенные Штаты независимо от находящихся у власти демократической или республиканской администраций неизменно ставили во главу угла своей внешней политики нанесение стратегического поражения России силами различного рода прокси [Кикнадзе, 2023]. На Украине задолго до событий 2022 г. США выступали в образе подстрекателя и через череду связанных между собой событий («оранжевая» революция 2004 г., «революция достоинства» 2013–2014 гг., т. н. антитеррористическая операция войск Украины на Донбассе в 2024–2022 гг.) стимулировали власти в Киеве к открытому вооруженному столкновению с Российской Федерацией. После февраля 2022 г., оставаясь в прежней ипостаси (срыв Украиной стамбульских договоренностей в марте 2022 г.), США дополнили себе функцию пособника украинской стороны, поставляя ей напрямую или через инфраструктуру НАТО военные технологии, боеприпасы, тяжелое вооружение, разведывательные данные. С начала 2025 г. в период второй каденции Д. Трампа власти США попытались играть в конфликте еще одну статусную роль посредника с выходом на место арбитра. Медиаторские усилия республиканской администрации, апогеем которых была встреча президентов России и США на Аляске в августе 2025 г., на какое-то время создали впечатление возможного перевода

конфликта в переговорное русло, но не более того. Несмотря на попытки отдельных политических групп сохранить возможность диалога, американская сторона впоследствии фактически показала, что не рассматривает компромисс как приоритетный сценарий [Rubio, 2026]. Неудачная в целом попытка американских политиков выступить в роли объективных посредников (хотя в риторике они продолжают позиционировать себя таковыми) объясняется двумя причинами: расхождением продекларированного курса на пацификацию конфликта с базовым целеполаганием внешней политики на нанесение стратегического поражения России и принципиальной невозможностью совмещения статусов сообщника и секунданта при разрешении спора. В итоге подавляющая часть американского политикума предсказуемо выбрала путь интенсивной вооруженной конфронтации на Украине, что было подкреплено вербально и практически в виде легализации патронажа над эскалирующими действиями Киева в конфликте в первой половине 2026 г. [Whitaker, 2026].

В отличие от США китайский подход к ситуации более статичен, но не менее сложен. С начала конфликта и по настоящее время Пекин формально демонстрирует миролюбие и равноудаленность, призывает стороны к политическому урегулированию противоречий [МИД КНР, 2023]. В реальных условиях его позиция сводится к латентному пособничеству обеим конфликтующим сторонам одновременно. Наиболее выпукло это проявляется в вопросах поставок продукции двойного назначения (беспилотные летательные системы и элементные компоненты) для воюющих армий России и Украины. По мнению некоторых специалистов, без китайского экспорта сторонам было бы затруднительно продолжать конфликт на высоком уровне интенсивности и столь длительное время [Rose, 2026]. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что амбивалентный курс Китая в отношении российско-украинского противостояния основывается не столько на экономоцентрической мотивации, сколько продиктован более глубокими геополитическими расчетами. На фоне грядущего соперничества за лидерство в Индийско-тихоокеанском регионе (ИТР) с США стратегической целью Китая является удержание России в зоне своего политического и торгово-экономического влияния и не допущение ее ухода в западный лагерь. Другой такой идеальной тыловой базы, как Россия, Китаю попросту не найти. Воюющую Россию с ее технологическими и производственными уязвимостями привязать к себе гораздо легче. Поставками критически важного ассортимента Украине Китай затягивает военные действия, что также имеет для него определенный смысл. Во-первых, это позволяет как можно дольше контролировать российский кейс. Во-вторых, и, возможно, в главных – обеспечивать сковывание на европейском континенте проактивистской деятельности США, в то время как самому в рамках решения проблемы «трех Китаев» попытаться реинтегрировать «Китай-остров» Тайвань и закрепить флагманские позиции в «Китае-архипелаге» в зоне ИТР.

Подытоживая сказанное в отношении субъектной части структуры рассматриваемого конфликта, нельзя не заметить некоторых разведывательных признаков, способствующих более отчетливому пониманию возможных вариантов развития российско-украинской вооруженной конфронтации. Прежде всего, стоит обратить внимание на количественный рост участников конфликта. В данном случае известный в теоретической конфликтологии «эффект воронки» подтвердил свою безотказность. Далее, не меньшей сосредоточенности заслуживает качественная сторона вопроса, а именно статусно-ролевая трансформация различных участников без учета непосредственных контактеров. В ходе конфликта в целом произошел сдвиг в направлении большей вовлеченности заинтересованных субъектов в конфликтное взаимодействие. Причем некоторые субъекты в довольно короткие сроки перешли с латентно-опосредованных или умеренно-сдержанных позиций участия к фигурам открытой и прямой ангажированности на первых ролях. И, наконец, нельзя не заметить, что подсвеченные параметральные характеристики субъектной стороны российско-украинского вооруженного конфликта в целом фиксируют нахождение конфронтации в эскалирующей фазе динамики, что неизбежно приближает весь процесс к фазе финализации с несколькими потенциальными вариантами исхода. Выбор альтернатив в значительной степени будет детерминирован отношением участников к объектно-предметным аспектам конфликтного взаимодействия.

В классической конфликтологии и социологии конфликта обычно различают понятия «объект» и «предмет» конфликта. Как правило, первым принято считать какой-либо ресурс, имеющий критическое значение для конфликтующих, вторым – его статус, понимаемый или интерпретируемый противоборствующими сторонами по-разному [Анцупов, Шипилов, 2000]. В ситуации интенсивной вооруженной конфронтации между Россией и Украиной (с 2014 г. по настоящее время) объектом конфликтных интересов может быть признана часть украинской территории, расположенной по периметру юго-западных и южных границ Российской Федерации (Донбасс и Новороссия). Предметом конфликта в данном случае становятся несовпадающие (оспариваемые) сторонами позиции в отношении государственной принадлежности объекта. Таким образом, продолжив начатую нами квалификацию российско-украинского вооруженного конфликта, правомерно дополнить ее такой атрибутивной характеристикой, как территориально-политический конфликт. Принимая во внимание то, что в ракурсе нашего исследования интерпретационные процедуры имеют факультативное значение, а императивным представляется трекинг структурных изменений конфликта под воздействием внутренней динамики, сфокусируем внимание на выделенных фрагментах.

Тема территории как объекта конфликта стала доминировать в российско-украинской повестке с 2014 г., когда взаимные противоречия только переживали стадию накопления и пребывали преимущественно в латентном состоянии. Конфликтное поле тогда ограничивалось локальными рамками Крымского полуострова и частями двух бывших областей Юго-Востока Украины. Россия объявила о восстановлении *status quo ante* над Крымом, учредив одноименную республику в своем составе, и признала фактический протекторат над Луганской и Донецкой народными республиками [Иванков, 2023]. Украинские власти *de jure* и *de facto* торпедировали эти шаги России, обозначив таким образом предмет конфликта, но вступать с ней в вооруженную борьбу за утраченные земли не решались. До февраля 2022 г. Украина пыталась вернуть земли Донбасса военным путем через развертывание т. н. антитеррористической операции против местных парамилитарных формирований, поддержанных Россией. С переходом конфликта в фазу открытой конфронтации в 2022 г. объект претерпевает существенные изменения. Четыре бывшие области Украины – Донецкая, Луганская, Херсонская, Запорожская – становятся новыми субъектами России, что получило закрепление в Основном законе страны [Конституция Российской Федерации, 1993, ч. 1 ст. 65]. Специальная военная операция (СВО) способствовала смещению фокуса в определении предмета конфликта. Отмечая цели операции, российское военно-политическое руководство подчеркивало, что не рассчитывает оккупировать или присоединять всю территорию соседнего государства. В то же время было заявлено о намерении провести денацификацию и демилитаризацию Украины, восстановить права на национальное развитие проживающих там этнических русских и русскоговорящих украинцев [Путин, 2022]. Впоследствии Президент России В. Путин дополнил мотивацию начала СВО стремлением Российской Федерации обеспечить собственную безопасность на фоне агрессивных замыслов и поведения властей сопредельного государства [Путин, 2024]. Таким образом, в трактовках российской стороны базовое противоречие, составляющее суть предмета конфликта, заметно расширилось, абсорбируя как собственно отстаиваемый статус новых территорий, так и связанные с ним вопросы реализации суверенного права и защиты национально-государственных интересов.

С началом вооруженной конфронтации трактовки объекта и предмета конфликта украинской стороной и патронирующими ее государствами и коалициями в основном зеркально отражали российские интерпретации, но с противоположных позиций. Объектом конфликта признавалась территория, составляющая примерно 22 % земель Украины, которые теперь стали частью России или находились под контролем ее вооруженных сил. Предметным аспектом рассматривалась политико-правовая идентичность этого пространства, истолковываемая в категориях защиты суверенитета и обеспечения безопасности. Принципиальное противоречие с российской стороной строилось на основе собственного

восприятия и понимания ситуации, оцениваемых в категориях нарушения суверенитета, квалификации действий России как агрессии, права на самооборону [Biden, 2022].

Попытки сгладить коллизию предпринимались в разное время либо самими сторонами инициативно, либо через посредников/амбассадоров «добрых услуг». Россия, например, до начала СВО высказывала намерение сузить объект и предмет спора путем выведения за скобки обсуждения проблемы Крыма, но согласия на реинтеграцию Донбасса в Украину на определенных условиях [Карасин, 2015]. В основу Стамбульских соглашений 2022 г. между конфликтующими сторонами был положен предварительный консенсус по поводу откладывания территориальных разногласий и сосредоточения на вопросах послевоенного статуса Украины и обеспечения ей международных гарантий безопасности [МИД РФ, 2023]. Затем стамбульский процесс забуксовал, однако в 2025 г. после встречи президентов России и США на Аляске последовала попытка его реанимировать, в том числе за счет предложений Украины обсудить будущий статус остающейся под ее контролем части Донбасса на основе «расширительно понимаемого компромисса» [Stokols, Dettmer, McLeary, 2025]. Важно отметить, что попытки сторон, предпринимаемые ими по корректировке объекта и предмета спора, имели ограниченный эффект, поскольку не устраняли фундаментальные основы конфликта, т. е. самые объект и предмет. Территориальный вопрос неизменно становился и пока остается непреодолимым препятствием на пути любого сближения конфликтующих и сопричастных к событию. Во всех случаях Украина и солидарные с нею США и ЕС настаивают на возвращении к международно-признанным границам 1991 г., а действия России характеризуют в понятиях *fait accompli* [Lewis, 2024]. Россия со своей стороны заявляет о защите своих интересов и требует закрепления претензий на присоединенные и контролируемые ее войсками территории [Путин, 2025]. Кардинальная неуступчивость субъектов конфликта по территориям и их статусу во многом определяет ход и внутреннее содержание всей вооруженной конфронтации. По заключению экспертов Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, в силу этой причины динамика эскалации конфликтного взаимодействия в последнее время развивается по нарастающей и прогнозируется оставаться таковой в ближайшей перспективе [ИМЭМО РАН, 2025, с. 32]. Возможности перевода конфликта в переговорное русло пока останутся ограниченными, а силовой фактор будет определяющим при движении к терминальной фазе противостояния.

Фокусируя исследовательское внимание на содержании конфликта, важно подчеркнуть, что этот элемент структуры в целом детерминируется логикой военной динамики, которая, в свою очередь, была и продолжает оставаться стабильно эскалирующей. Маркеры эскалации напрямую влияют на сущностные характеристики конфликта, определяющие протекание процесса взаимодействия в конкретных формах. Выделим в качестве признаков военной эскалации растущую массовость, расширение географии, интенсификацию вооруженного насилия, повышение роли механизмов политической социализации и проследим детерминирующие связи с содержательным наполнением рассматриваемого явления. В ходе анализа субъектной стороны конфликта авторы использовали метафору «эффект воронки» для описания текущей стадии противостояния и тем самым фиксировали прогрессирующий рост числа государств – прямых участников вооруженной конфронтации. Вместе с тем индикаторы массовости конфликта измеряются и иными значениями. Прежде всего, это численность вооруженных сил и парамилитарных формирований, непосредственно участвующих в вооруженных столкновениях. Согласно OSINT-источникам, в феврале 2022 г. российская военная группировка, задействованная в проведении СВО, насчитывала до 190 тыс. чел. [Martin, 2022], в то время как в 2026 г. президент России В. Путин обозначил ее количественный состав уже свыше 700 тыс. чел. [Путин, 2026]. Общая численность вооруженных сил Украины в начале конфликта составляла 196 тыс. чел., а к концу 2025 г. в ходе организованных властями 14 волн мобилизации (в том числе трех в 2022 г., четырех в 2023 г., четырех в 2024 г. и трех в 2025 г.) воинский контингент на линии боевого соприкосновения оценивался в 490 тыс. чел. или 57 % от всей армии [Broyard, 2025]. К составу

комбатантов можно также добавить наемников, трафик которых на украинской стороне, например, только из западных стран составил 13 тыс. чел. с 2022 по 2024 гг. [Snider, 2024]. Приведенные данные совокупно отражают не столько растущую прогрессию количественных показателей, сколько указывают на складывание качественно новой ситуации, в которой конфликт динамично продвигается к наивысшей степени своего проявления.

Одновременно с ростом участия вооруженный конфликт расширяется пространственно. Если в начале событий это была относительно локальная история с охватом военными действиями сравнительно небольших территорий на Левобережной Украине, то в последствии театром военных действий становится весь периметр российско-украинской границы. Со второй половины 2025 г. в зоне поражения средствами ведения войны оказались ближние и дальние тылы Российской Федерации, что стало возможным благодаря западным поставкам Украине дальнобойных дронов и крылатых ракет [Пухов, 2024, с. 24]. В то же время украинские спецслужбы развернули на российской территории активную диверсионную деятельность, география которой весьма обширна. Общая площадь прямо или косвенно вовлеченных в конфликт пространств неуклонно увеличивается, в том числе и за счет включения в орбиту весьма отдаленных от эпицентра событий зон. Например, украинские вооруженные силы пытаются блокировать российские морские коммуникации во многих акваториях Мирового океана, а ряд стран НАТО предоставляют Украине свои территории и воздушное пространство для нанесения ударов за линией боевого соприкосновения. Тенденция к дальнейшему расширению пространственно-географических рамок конфликта, по всей видимости, сохранит свою актуальность, поскольку многие участники российско-украинской вооруженной конфронтации сохраняют и продолжают наращивать свою заинтересованность в продолжении и эскалации этого антагонизма.

Возрастающая военная динамика наиболее заметна при определении степени вооруженного насилия, взаимно используемого сторонами в конфликте. В свою очередь, такой уровень давления на противника напрямую детерминируется номенклатурой применяемых средств поражения. В этом аспекте наблюдаются настоящие тектонические сдвиги. Если конфликт начинался как боестолкновение классического типа с использованием преимущественно традиционного вооружения (авиация, бронетехника, артиллерия), то затем профиль ведения вооруженной борьбы кардинально изменился за счет внедрения беспилотных технологий и применения продвинутых ракетных систем. Эти нововведения не только принципиальным образом реформируют природу войны, так как переносят акцент на внедрение автономных и дистанционных способов ведения боя, но и в значительной мере усиливают поражающий эффект неприятельских ресурсов в силу возросших реальных и потенциальных возможностей [Тренин, 2026]. В условиях осуществления инерционного сценария ведения боевых действий, к которому украинская сторона перешла в 2023 г., а российская – со второй половины 2025 г., оба враждующих государства сделали ставку на систематическое разрушение тыловой инфраструктуры противника с целью сломить его способность к дальнейшему сопротивлению. В соответствии с намерениями, российские вооруженные силы применяют в массовом количестве авиационные бомбы большой мощности ФАБ с модулями планирования, крылатые ракеты Х-101 и «Калибр», баллистические ракеты «Искандер», в том числе «Циркон», «Кинжал», «Орешник», обладающие внушительной дальностью, гиперзвуковой скоростью и мощной силой разрушения. Результатами применения стали выведение из строя объектов военного назначения и перебои в энергоснабжении по всей территории Украины [Watling, 2025]. Ответными действиями украинские вооруженные силы ввели в оборот дальнобойные беспилотные летательные аппараты, т. н. *deep-strike* и крылатые ракеты большой дальности FP-1 «Flamingo», создавая тем самым проблемы в российском тылу из-за фокусированного давления на логистику, особенно топливную и энергоинфраструктуру. Украинские удары по топливно-энергетическим мощностям России особенно чувствительно отразились на состоянии экономики, поскольку в зоне активной войны оказалась жизненная территория

страны [ТАСС, 2026]. Использование сторонами конфликта новых, более эффективных средств поражения напрямую коррелируется с повышением градуса вооруженного насилия, выводя его на грань приемлемого применения. Вполне очевидно, что при сохранении высокой эскалирующей динамики конфликта пределы обоюдного насилия скоро обозначат себя, что подведет конфликтующих к точкам бифуркации во всей системе вооруженной конфронтации.

Интенсификация конфликта, особенно длящегося по времени, как правило, не ограничивается собственно военной сферой и постепенно захватывает гражданские общества противоборствующих сторон. Втягивание нонкомбатантов в водоворот военных событий происходит разными путями, но, как правило, это происходит объективно в силу нахождения в зоне боевых действий, причем последняя сегодня понимается весьма расширительно из-за изменившихся условий ведения войн. Другой способ – это целенаправленное формирование новых политико-идеологических позиций и культурно-ценностных ориентаций у населения через каналы государственной пропаганды. Техники здесь довольно просты: по ходу конфликта пропагандистского материала в жизни людей становится не просто кратно больше, меняется его контентная часть, т. е. пропаганда милитаризируется. В массовом сознании моделируется определенный образ восприятия событийной ленты, в котором противник демонизируется, а собственные граждане морально подготавливаются к участию в вооруженной борьбе в том или ином качестве [Лассуэлл, 1929]. Вопрос о результативности работы пропагандистского аппарата по обе стороны конфликта, равно как и в более широкой постановке – о степени влияния когнитивных факторов на динамику российско-украинской вооруженной конфронтации, безусловно, заслуживает отдельного и более детального рассмотрения. Вместе с тем по истечении четырех лет конфронтации уже можно заметить, как, например, Украина и солидарные с ней государства Европы существенно продвинулись в направлениях маргинализации России в глобальном информационном поле и генерирования «нации войны» из собственных граждан [Ipsos, 2022; Eurobarometer, 2025]. Российские пропагандистские ресурсы также зеркально тематизируют дискурс, фокусируя медиа преимущественно на задаче сплочения общества «вокруг знамени». Масштабность пропагандистской деятельности на конфликтующих полюсах достаточно предсказуема – по мере эскалации военных действий неизбежно будет нарастать и информационно-психологическое противостояние [Сивков, 2014], а значит, останутся востребованными основные средства политической социализации и инструменты формирования общественного мнения.

Резюмируя, можно отдельно подчеркнуть, что содержание российско-украинского конфликтинга на нынешнем этапе его развития наполнено признаками нарастающей эскалации. Фиксация этого утверждения позволяет не только дополнить интегративную характеристику противостояния как конфликта массовидного, развивающегося в пространстве, обостренно насильственного, идеологизирующегося, но и оттенить актуальность проблемы моделирования эскалации сторонами конфликта и выхода их на позиции военной и политической финализации взаимного противоборства.

Проведенный авторами аналитический демонтаж структуры российско-украинского вооруженного конфликта в известной степени позволяет проследить эволюцию базовых элементов этой структуры в общем русле эскалации антагонизма, что, в свою очередь, дает нам основания сделать предположения перспективного характера. Здесь важно отметить, что эскалация вооруженного конфликта, рассматриваемая как процесс и явление в целом и в совокупности отдельных юнитов структуры, не может развиваться *ad infinitum*. Принимая решение о дальнейшем обострении конфликтного взаимодействия, военно-политическое руководство враждующих государств, как правило, моделирует ситуацию и определяет для себя пределы собственно эскалации. Судя по намерениям и действиям лидеров и иных фронтменов сторон, в текущей фазе конфликта они не считают потенциал эскалации исчерпанным и готовы делать ставки на повышение. Политики Украины и практически воюющей ее руками против России коалиции западных стран рассчитывают не столько на военную победу, сколько на постепенное истощение российского общества через постоянные

атаки, человеческие жертвы и психологическое давление. Эскалация по версии этой стороны конфликта заключается в продвижении стратегии выматывания, т. е. ориентация на длительную конфронтацию. Чертой отсечения эскалационного трека, по всей вероятности, может стать реальная infernalная угроза для жизнедеятельности собственных государств и обществ. Россия сегодня *de facto* существует в фазе активной войны, хотя продолжает оставаться в рамках стратегии, избранной с конца февраля 2022 г. и подчиненной конечной цели не военного поражения противника, а в виде принуждения его к компромиссному миру. Дальнейшими эскалирующими действиями стороны против Украины может стать перевод конфликта из статуса СВО в полномасштабную войну по западным доктринам [Warden, 1988]. Изменение концептуальных рамок конфликта позволит приблизить сценарий ведения боевых действий к достижению классической цели любой войны, заключающейся в победе над противником через лишение его возможности к дальнейшему сопротивлению [Клаузевиц, 1998]. Реверсивный ход России от эскалации может последовать, например, в случае прямого вступления или угрозы вступления в войну блока НАТО на стороне Украины либо из-за складывания какой-либо критической ситуации внутри страны, предполагающей невозможность поддерживать военную динамику на высоком уровне интенсивности.

Отмеченные авторами соображения выстроены в духе аксиоматического анализа и, разумеется, содержат лишь набор условных допущений. Вместе с тем эти гипотетические сентенции позволяют хотя бы эскизно очертить возможные варианты перехода сторон от эскалации к финальной фазе конфликта – его завершению. *Modus operandi* участников процесса здесь представляется весьма ограниченным. Главным фактором, сужающим маневр субъектов, остается предыдущая стадия эскалации. Если рассматривать эскалацию через оптику неопременного условия для ускорения финишизации конфликта, то можно проследить три альтернативы: а) абсолютизированная эскалация приводит к глобальной войне; б) пацификация с выходом на постконфликтную фазу; в) заморозка конфликта на неопределенный срок вследствие взаимного истощения в ходе эскалационной гонки. В случае реализации первых двух решений последует глубокая структурная перестройка конфликта, что выведет его анализ на качественно иной уровень. Если воплотится третья возможность, то структура конфликта останется неизменной и будет определять взаимоотношения сторон в прежней логике. Структуризация конфликта как инструмент упорядочивания знаний об эволюции составляющих структуру элементов в таком варианте будет востребована по крайней мере для отслеживания и корректировки эпикриза.

Заключение

Длющийся российско-украинский вооруженный конфликт, безусловно, может считаться самым масштабным на территории Европы со времен окончания Второй мировой войны. Основные параметры квалификации этого явления и процесса составляют формулу конфликта как межгосударственного, политико-территориального, массового, насильственного, пространственного, интенсивного. Направление динамики развития конфликта определяется по классической для такого рода феноменов траектории – от латентной фазы к фазе открытого противоборства с перспективой выхода на фазу завершения. В актуальном состоянии конфликт находится на этапе эскалации фазы открытого и прямого противостояния. Обосновывающим доводом в пользу данного утверждения выступает проведенная структуризация вооруженного антагонизма. Осуществленный структурный анализ дает основания полагать, что динамика развития и сам вектор эскалации во многом детерминируются количественными и качественными изменениями во внутренней организации конфликта, затрагивающими субъектную и объектную стороны, содержательную нагрузку. Трансформация состава участников, модификация предмета и объекта спора, корректировки военного и политического поведения сторон превращают эскалацию конфликта в многофакторный процесс, что, в свою очередь, экстраполирует сложность оценки перспектив конфликта на потенциальную фазу завершения. Потребность в определении вероятности материализации той или иной версии исхода российско-украинского вооруженного

конфликта в первую очередь в интересах действий сторон в рамках стратегии рационального выбора повышает релевантность структуризации как научно-практического метода.

Список источников

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список литературы

- Анцупов А.Я., Шипилов А.И. 2000. Конфликтология. М., ЮНИТИ, 551 с.
- Гришина Н.В. 2008. Психология конфликта. СПб., Питер Пресс, 544 с.
- Иванков К.В. 2023. Российско-украинские отношения в 2014–2022 гг.: основные геополитические изменения. Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, 1(1): 66–80. doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80
- Ильясов Б.Г., Герасимова И.Б., Карамзина А.Г., Сайтова Г.А. 2017. Структурный подход к построению методологии исследования систем. Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки, 2(54): 24–32.
- ИМЭМО РАН. 2025. Россия и мир: 2026. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 24: 202 с. doi: 10.20542/978-5-9535-0647-2
- Карасин Г.Б. 2015. Мир по пунктам. Российский совет по международным делам, 9 апреля. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-po-punktam/> (дата обращения: 07.07.2026).
- Кикнадзе В.Г. 2023. Спецоперация. Украинский фронт войны против России. М., Прометей, 504 с.
- Клаузевиц К. 1998. О войне. М., Логос; Наука, 451 с.
- Лавров С.В. 2026. Украина, Европа и глобальная безопасность, 19 июня https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2120138/ (дата обращения: 30.06.2026).
- Лассуэлл Г.Д. 1929. Техника пропаганды в мировой войне. М., Л.; Отдел военной литературы, 200 с.
- Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. 2023. Позиция Китая по политическому решению украинского кризиса, 24 февраля. https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (дата обращения: 02.07.2026).
- Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. Заявление МИД России о Стамбульских договоренностях, 17 июля. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (дата обращения: 07.07.2026).
- Никанорова Н.Ю. 2024. Международно-правовая квалификация конфликта в Донбассе в период с марта 2014 г. по 21 февраля 2022 г. Вестник Московского университета. Серия 11. Право, 1(65): 179–196.
- Путин В.В. 2022. Обращение Президента Российской Федерации, 24 февраля <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 06.07.2026).
- Путин В.В. 2024. Итоги года с Владимиром Путиным. Прямая линия и пресс-конференция Президента Российской Федерации, 19 декабря. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909> (дата обращения: 06.07.2026).
- Путин В.В. 2025. Интервью каналам Aaj Tak и India Today, 4 декабря. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78649/videos> (дата обращения: 07.07.2026).
- Путин В.В. 2026. Встреча с военнослужащими-участниками СВО, 12 июня. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80017> (дата обращения: 10.07.2026).
- Пухов Р.Н. 2024. От «специальной» к «военной». Россия в глобальной политике, 22(2): 21–36. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36
- Светлов В.А., Сидоров Н.М. 2019. Универсальная модель конфликта как аксиоматическая система. Гуманитарные и социальные науки, 1: 125–134. doi: 10.23683/2070-1403-2019-72-1-125-134
- Сивков К.В. 2014. Современная война – это борьба за информационное превосходство. Российский совет по международным делам, 8 мая. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-voyna-eto-borba-za-informatsionnoe-prevoskhodst/> (дата обращения: 12.07.2026).

- ТАСС. 2026. Новак оценил ситуацию на рынке топлива в России как напряженную, 7 июля. <https://tass.ru/ekonomika/27894295> (дата обращения: 11.07.2026).
- Тренин Д.В. 2026. Облик и характер войн новой эпохи. Российский совет по международным делам, 6 мая. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oblik-i-kharakter-voyn-novoy-epokhi/> (дата обращения: 11.07.2026).
- Antezza A., Bompreszi P., Dyussimbinov Y. et al., 2025. The Ukraine Support Tracker. Which Countries Help Ukraine and How? Kiel Institute for the World Economy. Kiel Working Paper. 2218, June 4: 1–75.
- Biden J.R. 2022. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine. Warsaw, Poland, March 26. The White House. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 06.07.2026).
- Broyard L. 2025. Ukraine 2014–2025: Mobilizations and Losses. International Reporters, October 2. <https://irpress.ru/ru/2025/10/02/ukraina-2014-2025-mobilizaczii-i-poteri/> (accessed: 10.07.2026).
- Eurobarometer. 2025. The EU's Response to the War in Ukraine. Eurobarometer Report. October–November. Strasbourg, European Commission, Directorate General for Communicational, 53 p.
- Giddens A. 1973. The Class Structure of the Advanced Societies. New York, Barnes & Noble, 336 p.
- Henke M., Martinova I., Knobloch T. 2026. Europe Goes its Own Way. Foreign Affairs, June 29. <https://www.foreignaffairs.com/europe/europe-goes-its-own-way> (accessed: 30.06.2026).
- Ipsos. 2022. Global Public Opinion about the War in Ukraine. Survey Results, April 19. <https://www.ipsos.com/en-us/global-public-opinion-about-war-ukraine> (accessed: 11.07.2026).
- Kofman M. 2026. Ukraine's War of Endurance. Foreign Affairs, February 16. <https://www.foreignaffairs.com/russia/ukraines-war-endurance> (accessed: 30.06.2026).
- Lewis S. 2024. Ukraine not Ready to Compromise with Russia, says Zelenskiy Aide. Reuters, July 3. <https://www.reuters.com/world/europe/ukraine-not-ready-compromise-with-russia-says-zelenskiy-aide-2024-07-03/> (accessed: 07.07.2026).
- Martin C. 2022. A Graphical Comparison of Russian, Ukrainian Forces a Year into War. Defense News, February 24. <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/02/24/a-graphical-comparison-of-russian-and-ukrainian-military-forces/> (accessed: 10.07.2026).
- Rose G. 2026. Iran as Vietnam, Ukraine as Korea. Foreign Affairs, May 20. <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/iran-vietnam-ukraine-korea> (accessed: 02.07.2026).
- Rubio M. 2026. Secretary of State Marco Rubio Remarks to Press. Manama, Bahrain, June 25. U.S. Department of State. <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-press-12/> (accessed: 02.07.2026).
- SIPRI. 2025. Ukraine the World's Biggest Arms Importer; United States' Dominance of Global Arms Exports Grows as Russian Exports Continue to Fall. Stockholm International Peace Research Institute, March 10. <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/ukraine-worlds-biggest-arms-importer-united-states-dominance-global-arms-exports-grows-russian> (accessed: 21.06.2026).
- Snider T. 2024. How Many Westerners are Fighting in Ukraine? Responsible Statecraft, March 20. <https://responsiblestatecraft.org/foreign-fighters-ukraine/> (accessed: 10.07.2026).
- Stokols E., Dettmer J., McLeary P. 2025. Ukraine Hopes to Entice Trump with a 'Free Economic Zone' in Latest Peace Plan. Politico, December 11. <https://www.politico.com/news/2025/12/11/ukraine-proposes-a-free-economic-zone-in-latest-peace-plan-00687155> (accessed: 07.07.2026).
- U.S. Department of State. 2025. U.S. Security Cooperation with Ukraine. Bureau of Political-Military Affairs. Fact Sheet. March 15. <https://www.state.gov/bureau-of-political-military-affairs/releases/2025/01/u-s-security-cooperation-with-ukraine> (accessed: 30.06.2026).
- Walker Sh. 2025. Zelenskyy Reject Claim Boris Johnson Talked Him out of 2022 Peace Deal. The Guardian, February 15.
- Warden III J.A. 1988. The Air Campaign: Planning for Combat. Washington DC, National Defense University, 211 p.
- Watling J. 2025. Ukraine's Hardest Winter. Foreign Affairs, November 11. https://www.foreignaffairs.com/ukraine/ukraines-hardest-winter?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Ukraine%E2%80%99s%20Hardest%20Winter&utm_content=20251111&utm_term=N (accessed: 11.07.2026).
- Whitaker M. 2026. US Sees NATO with Benefits for Countries that Spend More for Arms. Bloomberg, July 1. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-07-01/us-sees-nato-with-benefits-for-countries-that-spend-more-on-arms> (accessed: 02.07.2026).

References

- Ancupov A.Ya., Shipilov A.I. 2000. Konfliktologiya [Conflict Studies]. M., YUNITI, 551 s.
- Grishina N.V. 2008. Psihologiya konflikta [Psychology is in Conflict]. SPb., Piter Press, 544 s.
- Ivankov K.V. 2023. Rossijsko-ukrainskie otnosheniya v 2014–2022 gg.: osnovnye geopoliticheskie izmeneniya [Russian-Ukrainian Relations in 2014–2022: Main Geopolitical Changes]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki, 1(1): 66–80. doi: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-1-66-80
- Il'yasov B.G., Gerasimova I.B., Karamzina A.G., Saitova G.A. 2017. Strukturnyj podhod k postroeniyu metodologii issledovaniya system [A Structural Approach to Building a Methodology for System Research]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta. Seriya: Tehnicheskie nauki, 2(54): 24–32.
- MEMO RAN. 2025. Rossiya i mir: 2026. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyj prognoz [Russia and the World: 2026. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast]. Institut mirovoj ekonomiki i mezhdunarodnyh otnoshenij Rossijskoj akademii nauk, 24: 202 s. doi: 10.20542/978-5-9535-0647-2
- Karasin G.B. 2015. Mir po punktam [Peace Point by Point]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, 9 aprelya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-po-punktam/> (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Kiknadze V.G. 2023. Specoperaciya. Ukrainskij front vojny protiv Rossii [Special Operation. Ukrainian Front of War against Russia]. M., Prometej, 504 s.
- Klauzevic K. 1998. O vojne [About the War]. M., Logos; Nauka, 451 s.
- Lavrov S.V. 2026. Ukraina, Evropa i global'naya bezopasnost' [Ukraine, Europe and Global Security], 19 iyunya https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2120138/ (data obrashcheniya: 30.06.2026).
- Lasswell G.D. 1929. Tehnika propagandy v mirovoj vojne [Propaganda of Technology in the World War]. Moskva; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Otdel voennoj literatury», 200 s.
- Ministerstvo inostrannyh del Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China]. 2023. Poziciya Kitaya po politicheskomu resheniyu ukrainskogo krizisa [China's Position on the Political Solution to the Ukrainian Crisis], 24 fevralya. https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202302/t20230224_11030707.shtml (data obrashcheniya: 02.07.2026).
- Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation]. 2023. Zayavlenie MID Rossii o Stambul'skih dogovorennostyah [Statement of the Ministry of Foreign Affairs of Russia on the Istanbul Agreements], 17 iyulya. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897157/ (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Nikanorova N.Yu. 2024. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikaciya konflikta v Donbasse v period s marta 2014 g. po 21 fevralya 2022 g. [The International Legal Classification of the Conflict in Donbas from March 2014 to February 21, 2022]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo, 1(65): 179–196.
- Putin V.V. 2022. Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii [Address of the President of the Russian Federation], 24 fevralya <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (data obrashcheniya: 06.07.2026).
- Putin V.V. 2024. Itogi goda s Vladimirom Putinyem. Pryamaya liniya i press-konferenciya Prezidenta Rossijskoj Federacii [Last Year with Vladimir Putin. Direct Line and Press Conference of the President of the Russian Federation], 19 dekabrya. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909> (data obrashcheniya: 06.07.2026).
- Putin V.V. 2025. Interv'yu kanalam Aaj Tak i India Today [Interview Channels Aaj Tak and India Today], 4 dekabrya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78649/videos> (data obrashcheniya: 07.07.2026).
- Putin V.V. 2026. Vstrecha s voennosluzhashchimi-uchastnikami SVO [Meeting with Servicemen-Participants of the Special Military Operation], 12 iyunya. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/80017> (data obrashcheniya: 10.07.2026).
- Puhov R.N. 2024. Ot «special'noj» k «voennoj» [From «Special» to «Military»]. Rossiya v global'noj politike, 22(2): 21–36. doi: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-21-36.
- Svetlov V.A., Sidorov N.M. 2019. Universal'naya model' konflikta kak aksiomaticheskaya sistema [A Universal Model of Conflict as an Axiomatic System]. Gumanitarnye i social'nye nauki, 1: 125–134. doi: 10.23683/2070-1403-2019-72-1-125-134
- Sivkov K.V. 2014. Sovremennaya vojna – ehto bor'ba za informacionnoe prevoshodstvo. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [Modern Warfare is a Struggle for Information Superiority. Russian Council on International Affairs], 8 maya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-vojna-eto-borba-za-informatsionnoe-prevoshodstvo/> (data obrashcheniya: 12.07.2026).
- TASS. 2026. Novak ocenil situaciyu ocenil situaciyu na rynke topliva v Rossii kak napryazhennuyu [Novak Assessed the Situation on the Fuel Market in Russia as Tense], 7 iyulya. <https://tass.ru/ekonomika/27894295> (data obrashcheniya: 11.07.2026).

- Trenin D.V. 2026. Oblik i harakter vojn novoy ehpoi. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam [A New Era of Style and Character Warfare. Russian Council on International Affairs], 6 maya. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oblik-i-kharakter-voyn-novoy-epokhi/> (data obrashcheniya: 11.07.2026).
- Antezza A., Bompreszi P., Dyussimbinov Y. et al., 2025. The Ukraine Support Tracker. Which Countries Help Ukraine and How? Kiel Institute for the World Economy. Kiel Working Paper. 2218, June 4: 1–75.
- Biden J.R. 2022. Remarks by President Biden on the United Efforts of the Free World to Support the People of Ukraine. Warsaw, Poland, March 26. The White House. <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/26/remarks-by-president-biden-on-the-united-efforts-of-the-free-world-to-support-the-people-of-ukraine/> (accessed: 06.07.2026).
- Broyard L. 2025. Ukraine 2014–2025: Mobilizations and Losses. International Reporters, October 2. <https://irpress.ru/ru/2025/10/02/ukraina-2014-2025-mobilizaczii-i-poteri/> (accessed: 10.07.2026).
- Eurobarometer. 2025. The EU's Response to the War in Ukraine. Eurobarometer Report. October–November. Strasbourg, European Commission, Directorate General for Communicational, 53 p.
- Giddens A. 1973. The Class Structure of the Advanced Societies. New York, Barnes & Noble, 336 p.
- Henke M., Martinova I., Knobloch T. 2026. Europe Goes its Own Way. Foreign Affairs, June 29. <https://www.foreignaffairs.com/europe/europe-goes-its-own-way> (accessed: 30.06.2026).
- Ipsos. 2022. Global Public Opinion about the War in Ukraine. Survey Results, April 19. <https://www.ipsos.com/en-us/global-public-opinion-about-war-ukraine> (accessed: 11.07.2026).
- Kofman M. 2026. Ukraine's War of Endurance. Foreign Affairs, February 16. <https://www.foreignaffairs.com/russia/ukraines-war-endurance> (accessed: 30.06.2026).
- Lewis S. 2024. Ukraine not Ready to Compromise with Russia, says Zelenskiy Aide. Reuters, July 3. <https://www.reuters.com/world/europe/ukraine-not-ready-compromise-with-russia-says-zelenskiy-aide-2024-07-03/> (accessed: 07.07.2026).
- Martin C. 2022. A Graphical Comparison of Russian, Ukrainian Forces a Year into War. Defense News, February 24. <https://www.defensenews.com/global/europe/2022/02/24/a-graphical-comparison-of-russian-and-ukrainian-military-forces/> (accessed: 10.07.2026).
- Rose G. 2026. Iran as Vietnam, Ukraine as Korea. Foreign Affairs, May 20. <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/iran-vietnam-ukraine-korea> (accessed: 02.07.2026).
- Rubio M. 2026. Secretary of State Marco Rubio Remarks to Press. Manama, Bahrain, June 25. U.S. Department of State. <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2026/06/secretary-of-state-marco-rubio-remarks-to-press-12/> (accessed: 02.07.2026).
- SIPRI. 2025. Ukraine the World's Biggest Arms Importer; United States' Dominance of Global Arms Exports Grows as Russian Exports Continue to Fall. Stockholm International Peace Research Institute, March 10. <https://www.sipri.org/media/press-release/2025/ukraine-worlds-biggest-arms-importer-united-states-dominance-global-arms-exports-grows-russian> (accessed: 21.06.2026).
- Snider T. 2024. How Many Westerners are Fighting in Ukraine? Responsible Statecraft, March 20. <https://responsiblestatecraft.org/foreign-fighters-ukraine/> (accessed: 10.07.2026).
- Stokols E., Dettmer J., McLeary P. 2025. Ukraine Hopes to Entice Trump with a 'Free Economic Zone' in Latest Peace Plan. Politico, December 11. <https://www.politico.com/news/2025/12/11/ukraine-proposes-a-free-economic-zone-in-latest-peace-plan-00687155> (accessed: 07.07.2026).
- U.S. Department of State. 2025. U.S. Security Cooperation with Ukraine. Bureau of Political-Military Affairs. Fact Sheet. March 15. <https://www.state.gov/bureau-of-political-military-affairs/releases/2025/01/u-s-security-cooperation-with-ukraine> (accessed: 30.06.2026).
- Walker Sh. 2025. Zelenskyy Reject Claim Boris Johnson Talked Him out of 2022 Peace Deal. The Guardian, February 15.
- Warden III J.A. 1988. The Air Campaign: Planning for Combat. Washington DC, National Defense University, 211 p.
- Watling J. 2025. Ukraine's Hardest Winter. Foreign Affairs, November 11. https://www.foreignaffairs.com/ukraine/ukraines-hardest-winter?s=EDZZZ005ZX&utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Ukraine%E2%80%99s%20Hardest%20Winter&utm_content=20251111&utm_term=N (accessed: 11.07.2026).
- Whitaker M. 2026. US Sees NATO with Benefits for Countries that Spend More for Arms. Bloomberg, July 1. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-07-01/us-sees-nato-with-benefits-for-countries-that-spend-more-on-arms> (accessed: 02.07.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.05.2026

Received: 19.05.2026

Поступила после рецензирования: 21.06.2026

Revised: 21.06.2026

Принята к публикации: 21.07.2026

Accepted: 21.07.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лобанов Константин Николаевич, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0001-7653-8937](https://orcid.org/0009-0001-7653-8937)

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

Половнева Людмила Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3537-9084](https://orcid.org/0000-0003-3537-9084)

Lyudmila S. Polovneva, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia